

© 2019 г.

Н.А. ГОЛОВИН

ЮРГЕН ХАБЕРМАС О СИЛЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ: К 90-ЛЕТИЮ НЕМЕЦКОГО СОЦИОЛОГА

ГОЛОВИН Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (n.golovin@spbu.ru).

Аннотация. В статье продемонстрировано влияние жизненных и исторических обстоятельств на творчество немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса. Прослеживается их связь с философскими основаниями теории коммуникативного действия и этикой дискурса. Раскрыты различия в решении проблемы субъекта истории в критической теории общества Хабермаса и в первоначальной версии этой теории по М. Хоркхаймеру и Т.В. Адорно. Проанализированы общественно-исторические основания разработки этики дискурса. Рассматриваются различия в этиках дискурса Хабермаса и К.-О. Апеля, полемика Хабермаса с теоретиком социальных систем Н. Луманом по мировоззренческим проблемам теории общества.

Ключевые слова: Ю. Хабермас • Н. Луман • критическая теория общества • этика дискурса • теория социальных систем • история социальной мысли

DOI: 10.31857/5013216250005478-8

Вводные замечания. «Однажды обнаружится, что главная ценность социологии совсем не академическая, а нравственная», – приводил П.А. Сорокин [Сорокин, 2017: 162] слова американского социолога начала XX в. Ф. Гиддинга. Старый вопрос о связи социологии с общественными ценностями прямо выражает академическую и политическую направленность деятельности немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса. Нет необходимости подробно рассматривать его биографию и библиографию его научных работ. Отметим лишь: его книги издаются на 40 иностранных языках [Müller-Doohm, 2014: 12], их автор ведет философские и политические дискуссии с известными теоретиками и политиками по актуальным проблемам. Он желанный гость во многих странах, в том числе в Москве, благодаря чему хорошо известно, что он никому не навязывает своего подхода к обсуждаемым вопросам, его мысль «непрерывно меняется, обновляется в развивающемся научном и общественно-политическом контексте, и понята может быть только исходя из него» [Денежкин, 1989: 183]. С 1980-х годов сочинения Хабермаса стали критически исследовать в России. Ю.Н. Давыдов, А.Ф. Филиппов, Н.В. Мотрошилова, П.П. Гайденок, А.В. Денежкин, А.В. Гайда, А.В. Назарчук, Б.В. Марков, С.В. Шачин и другие специалисты являются авторами критических аналитических работ о социальной философии Хабермаса. Его важнейшие книги и статьи изданы на русском языке, за исключением главного сочинения «Теория коммуникативного действия» (1981).

Целью нижеследующих размышлений является анализ малоизвестных особенностей становления Хабермаса как ученого и интеллектуального лидера поколения 1945 г. в Германии, рассмотрение развития критической теории в его трудах, его полемики с теоретиком социальных систем Н. Луманом. Обращение к этим вопросам, не претендуя на полноту, может быть полезным для поддержки дискуссии по фундаментальным проблемам теоретической социологии.

В статье используются понятия В. Дильтея и К. Мангейма: опыт поколения, его сознание, его положение в обществе, понятия современного социализационного подхода: кто, как, когда и при каких обстоятельствах оказался для личности Хабермаса и его теории «значимым другим», включая влияние исторических условий его детства и юности с учетом оценок их общественной значимости историками современности. Среди последних – Э. Хобсбаум, Л. Нитхаммер, О.Ю. Пленков. Источником биографических фактов являются некоторые публичные выступления Хабермаса [Хабермас, 2011] и книга его биографа Мюллера-Доома [Müller-Dooht, 2014]. При сравнении теорий используется понятие исследовательской программы (И. Лакатос, В.С. Стёпин), понятие картин мира (М. Вебер, Ю. Хабермас), некоторые понятия социологии Хабермаса и Лумана.

Особенности детства и юности. Будущий философ и социолог родился в 1929 г. в Дюссельдорфе, вырос в маленьком городе Гуммерсбах в обеспеченной буржуазной семье, ценившей образованность. По семейному преданию и памяти жителей городка большим авторитетом пользовался Й. Хабермас (1860–1911) – пастор и теолог, дед Юргена. Помимо родителей к значимому окружению Юргена относятся книги по философии из библиотеки его дяди [там же: 30].

После рождения мальчика выяснилось, что он страдает дефектом речевого аппарата, в раннем возрасте ему было сделано несколько хирургических операций. В школе одноклассники с детской непосредственностью высмеивали его произношение, а в нацистском учебнике биологии (основа расовой теории) можно было прочесть унижительные комментарии о таких расстройствах здоровья. Хабермас указывает на непосредственную связь этих особенностей первых лет жизни с ранним интересом к вербальной коммуникации и на значимую поддержку со стороны близких. Все это трансформировалось у него в особую мировоззренческую ценность, которая в дальнейшем вошла в его социальную философию. Она стала максимумом нетерпимости любого остракизма, в том числе в политике. Таким образом, несмотря на материальную обеспеченность родительской семьи, проблем у будущего классика философии и социологии было больше, чем у обычного немецкого ребенка тех лет, они возникли рано и оставили неизгладимый след в его душе [там же: 37].

Вхождение в общество всех детей военных лет начинается раньше, чем в мирное время. К 1945 г. Хабермас в возрасте 16 лет, уже не ребенок, но еще и не взрослый, оказался в американской оккупационной зоне. Нацисты умели прятать следы своих ужасных преступлений, но о них все равно стало известно. Судебные заседания международного военного трибунала в Нюрнберге транслировались по радио. Молодежь 1945 г. стала первым поколением немцев, не только отмежевавшимся от нацизма, но и поддержавшим демократию как уникальный исторический шанс возрождения Германии [там же: 47]. Отсюда понятна включенность интеллектуальной элиты поколения в политику.

В 1949 г. в 20-летнем возрасте Хабермас поступил в университет (Гёттинген, Цюрих, Бонн). Там он познакомился со студентом К.-О. Апелем, который позднее стал крупным философом, разработавшим этику дискурса. Дружба и дискуссии с ним стали частью жизни и творчества Хабермаса. После завершения университетского образования он защитил у профессора В. Абендрота, последнего марксиста в западногерманских университетах, диссертацию, которая была издана книгой «Структурные изменения общественности» (1962), став важной подготовительной работой к теории коммуникативного действия наряду с «Проблемой легитимации позднего капитализма» (1973).

В его жизни настало время обычной биографии университетского профессора: семья, работа в Гейдельберге, затем в Институте социальных исследований во Франкфурте с

перерывом с 1971 по 1981 г. для работы содиректором Института исследований условий жизни в научно-техническом мире им. Макса Планка, где и была разработана теория коммуникативного действия.

В 1960-е гг. на Западе благодаря беспрецедентному экономическому росту существенно улучшились условия жизни населения. В таких условиях выросло поколение с совершенно новыми взглядами на жизнь. У него возникли глубокие расхождения в ценностях с поколением родителей. Историк Э. Хобсбаум отмечает, что благодаря наступившей «золотой эпохе» молодежь быстро стала особой экономически независимой и американизированной в культурном отношении возрастной группой. «Как могли мальчики и девочки, выросшие в эпоху полной занятости, понять опыт 1930-х годов или, наоборот, как могло старшее поколение понять опыт молодых, для которых работа была не тихой гаванью после штормового моря (особенно та, которая подкреплялась правом на пенсию), а чем-то, что можно получить в любое время и бросить, когда заблагорассудится, если вдруг захотелось поехать на несколько недель в Непал?» [Хобсбаум, 2004: 352]. Добавим: благодаря пенсионной реформе пенсии существенно возросли, так что в средний слой вошли экономически самостоятельная молодежь, работающие взрослые и пенсионеры – большинство населения. На этом фоне молодежи казалось неприемлемым, что руководство Германии, состоящее из политиков, ставших взрослыми примерно к началу первой мировой войны, продолжает использовать авторитарные методы в политике (достаточно напомнить о преследованиях еженедельника «Шпигель» за журналистские расследования с помещением под стражу его главного редактора, 1962–1965).

В западногерманском обществе разрыв поколений включал не только непонимание, но и глубокое недоверие между молодежью и родителями в связи с нацистским прошлым страны. «...Тогдашние молодые люди, выросшие в свободном обществе, крайне подозрительно относились к своим родителям, бывшим нацистам. Родители же, со своей стороны, чувствовали, что младшее поколение как бы ускользает от них» [Нитхаммер, Щербакова, 2012: 501].

С 1958 по 1968 год число студентов в Германии выросло со 196 тыс. до 376 тыс., аналогичный рост произошел в других странах Запады. Университеты не справлялись с такой нагрузкой, студенты жаловались на плохие условия учебы [Пленков, 2014: 384]. В результате усилилась общественная активность студенчества.

В США и на Западе возникли и быстро набирали силу «новые левые» политические движения, выступившие с антикапиталистической критикой общества, но не в союзе с рабочим классом (старые левые), который высоко оценил блага общества потребления и утрачивал классовое сознание. Стала набирать популярность критическая теория, сложившаяся в 1930-е гг. в рамках Франкфуртской школы направление западного марксизма. Ее целью была, напишет много позже исследователь современной философии – «форма жизни, свободная от ненеобходимого господства во всех его формах, – внутренне родственна самому понятию истины; она предвосхищается в каждом акте коммуникации» [Уэст, 2010: 13].

Первоначально общественный кризис проявился в студенческой революции 1968 г. Центром выступления новых левых в Европе стал Париж, а апофеозом – 10-миллионная забастовка в мае 1968 г. во Франции. В Германии левые взгляды поддерживались теоретиками Франкфуртской школы, особенно Г. Маркузе. У студентов были популярны его книги «Эрос и общество» (1967) и «Одномерный человек» (1967). Выводы других теоретиков Франкфуртской школы, несмотря на глубину исследования властных отношений, не были свободны от ошибок. Так, в книге «Диалектика Просвещения» утверждается, что буржуазная культура якобы порождает фашизм [Хоркхаймер, Адорно, 1997]. Этот тезис на фоне разрыва поколений вызывал подозрения к буржуазным общественным институтам: не фашистские ли они? Предложение Маркузе об отказе от системы общества потребления («великий отказ») не представляло собой серьезного решения накопившегося напряжения между поколениями, ответа на сакраментальный вопрос о смысле существования

общества помимо материального достатка, который обостряется в революционные времена. Учитывая, что немецкие рабочие, которые впервые за долгие десятилетия стали жить в достатке, не поддержали студентов, а обращение Маркузе к маргинальным слоям общества ничего не решало в вопросах его изменения, ситуация в теории и на практике оказалась в тупике. Историк-германист О.Ю. Пленков так охарактеризовал ее: «Если Маркс криминализировал капиталистов, то франкфуртская школа – средний класс. При этом забывали, что средний класс создал демократическое общество» [Пленков, 2014: 404].

Протестные выступления студентов и молодежи повлекли за собой правительственное заявление федерального канцлера В. Брандта от 28.10.1969 «Осмелиться на расширение демократии» и значимые практические меры по демократизации общества. Для Хабермаса главный опыт студенческих выступлений состоял в том, что высокий уровень жизни и размывание классового сознания привели к кризису идентичности общества, который не может быть теоретически описан в экономических понятиях эксплуатации и отчуждения, что требовало пересмотра оснований критической теории франкфуртской школы.

Теория коммуникативного действия как основа критической теории. Биограф Хабермаса Мюллер-Доом приводит его малоизвестное высказывание: «Верно, что я не разделяю основных посылок критической теории как они были сформулированы в 1940-е годы» [Müller-Doohm, 2014: 18]. Для того чтобы содержательно раскрыть это заявление, обратимся к сочинению «Теория коммуникативного действия». В нем Хабермас полемизирует почти со всеми современными социальными философами, его полемика может быть рассмотрена обобщенно (рис.).

Рис. Дружеский шарж к юбилею Ю. Хабермаса в 1969 г.

Примечание. Автор – Ф. Кригель (V. Kriegel). Директор Института социальных исследований М. Хоркхаймер (крупная фигура) обнимает известных теоретиков Франкфуртской школы – Г. Маркузе, Т.В. Адорно и Ю. Хабермаса. Опубликовано в еженедельнике «Publik».

Источник: уменьшенная копия рисунка по изданию: [Müller-Doohm, 2014: 18].

Основная практическая задача теории коммуникативного действия – решить проблему субъекта истории. Эта проблема осталась открытой в критической теории общества после «революционных» выступлений студентов 1968 г. Напомним, что в 1937 г. в программной статье Франкфуртской школы «Традиционная и критическая теория» идейный лидер этой школы М. Хоркхаймер указывал: «критическая теория общества, в отличие от традиционной, не является «шестеренкой» действующего социального механизма.., она направлена на более разумное общественное устройство». Ее цель, как и в «Манифесте

коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса – «будущая ассоциация свободных людей» [Horkheimer, 1937: 269], то есть критическая теория наследует марксистские, а, смотря глубже, просвещенческие ценности эмансипации¹. Согласно критической теории, тенденции, ведущие к разумному обществу, «создаются не по ту сторону мышления, внешними силами... Их представляет тот же самый субъект, который стремится реализовать их, реализовать лучшее будущее» [там же: 271]. Критическая теория опирается на реальные тенденции общественного развития, но они меняются. Такой переменной стал 1968 год. Поэтому совет Д. Лукача (1885–1971): теория должна обратить внимание на саму себя, остается в силе [Лукач, 2003].

В теории коммуникативного действия Хабермас возвращается к веберовскому понятию социального действия, переосмысливает его типологию. Одновременно он обращается к марксову различению труда и общения. Он формулирует новые понятия стратегического и коммуникативного действия. Первое инструментально в отношении своего объекта; второе основано на взаимном понимании людей, охватывает моральные (практические поведенческие) нормы. Разработка данных понятий дополняет прежнюю одномерную концепцию рациональности, основанную на понятии разума, заимствованном из философии Просвещения, и тем самым расширяет идейное основание критической теории общества.

Согласно Хабермасу (и не только) технический прогресс не означает прогресс в intersubъективной коммуникации. Принимая в 1980 г. премию Адорно, он отметил, что проект модерна остается незавершенным, расширение наших инструментальных возможностей не сопровождается соответствующей рационализацией intersubъективного жизненного мира: «Разнообразные поводы для недовольства и протеста возникают там, где односторонняя рационализация, ориентированная на критерии экономической и административной рациональности, проникает в те жизненные сферы, которые центрированы на задачах передачи культурной традиции, социальной интеграции и воспитания, а потому опираются на другие критерии рациональности, а именно, на критерии коммуникативной рациональности» [Хабермас, 2005: 16].

Дифференциация общества, обособление науки, морали и искусства, согласно Веберу, выражает рационализм западной культуры, в то же время означает отделение этих секторов от культурной традиции, что «представляет собой проблему, возникающую благодаря собственным закономерностям обособленных ценностных сфер», полагает Хабермас [там же: 19]. Решение проблемы состоит в том, чтобы направить общественную модернизацию по другим, некапиталистическим путям, «если жизненный мир на своей собственной основе сможет создать институты, ограничивающие внутреннюю системную динамику хозяйственной и административной систем действий чисто «процедурной рациональностью»» [там же: 29].

За коммуникацией следует признать особую рациональность (Хабермас познал ее с детства). Комментируя этот тезис, Д. Уэст обобщает исторические сведения и выводы Хабермаса: если в конце XVII и в XVIII вв. в Европе «с ее клубами, салонами, романами, газетами и журналами сложилось «информированное и критическое публичное мнение», то в XX в. эта сфера разрушается под воздействием формальной рациональности. Хабермас ищет и находит более адекватное понятие рациональности, нежели инструментальная и формальная рациональность – понятия, используемые в работах его предшественников-«франкфуртцев» [Уэст, 2015: 122; Хабермас, 2016]. Он обнаружил новый тип рациональности – коммуникативную рациональность и дал ее теоретическое описание. Если Вебер показывает, как процессы рационализации разрушают ценности и традиции, а Адорно и Хоркхаймер демонстрируют, как непомерно разросшаяся инструментальная рациональность приводит к интериоризации господства и подавляет внутреннюю природу человека, то Хабермас обосновал новое теоретическое решение данной проблемы.

¹ Обсуждение этого вопроса содержится в работе Ю. Хабермаса «Познание и интерес» [Хабермас, 2007].

Из его теории коммуникативного действия следует альтернатива прежней критической теории: отказ от любой философии субъекта. Достаточно работать с понятием коммуникативной рациональности, точно схватывающим сущность социальных отношений в противоположность понятию субъекта истории. Понятие коммуникативной рациональности, на первый взгляд абстрактное, более социологично, нежели прежняя философия субъекта Франкфуртской школы. Оно описывает диалог двух и более субъектов коммуникации, то есть интерсубъективность в условиях плюрализма общественных групп и интересов.

Такие свойства коммуникации уже имеют место в языковой практике, подтверждающей критическую теорию. Хабермас высказывает эту мысль в главе «Познание и интерес» сочинения «Техника и наука как идеология» (1968). Согласно автору, язык – качество, выделяющее человека из природы. Благодаря структуре языка мы становимся «совершеннолетними» в смысле кантовского ответа на вопрос «Что такое Просвещение?» (1784). Тем самым язык обеспечивает необходимое и достаточное условие возможности нашего свободного и разумного самоопределения [Хабермас, 2007: 187]. Хабермас развивает эту мысль в теории коммуникативного действия [Habermas, 1995: 366–452]. Коммуникация является универсальным условием социальных отношений. Отсюда можно допустить, что передаваемые в общении социальные ценности также имеют универсальную значимость. Следовательно, коммуникативная критическая теория общества также обладает универсальной значимостью в качестве «универсальной прагматики» общества.

Каждый коммуникативный акт значим трояким образом: во-первых, в области интерсубъективных отношений (в том числе публичных) он морален и правилен (Richtigkeit); в области отношения к природе обладает истинностью (Wahrheit), в области внутренних переживаний человека – правдивостью (Wahrhaftigkeit). Таким образом, следующая из теории коммуникативного действия теория универсальной прагматики подчеркивает базовые гуманистические ценности, неявно присутствующие в коммуникативном акте и не тождественные вопросам истинности дедуктивного вывода. Теория коммуникативного действия относится не к любому общению, а лишь к общению с рациональной аргументацией участников – к дискурсу.

Термин «дискурс» широко ныне употребимый, стал многозначным, модным, требует краткого пояснения его значения в данном тексте. Термин был сформулирован в лингвистике для анализа текстов и указывал на связь с конкретной ситуацией, которая сохраняется в случае анализа устной речи [Скворцова, 2010: 372–373]. Этот признак существенен в понятиях дискурса Апеля и Хабермаса. Их сравнение позволяет глубже раскрыть различия философского и социологического понятий дискурса.

Согласно Апелю, дискурс – всегда аргументированный диалог; его функция – разрешить спорные вопросы с помощью рациональных аргументов. Дискурс – не переговоры, не судебные решения присяжных, принятые по внутреннему убеждению. Дискурс – рациональность разума на практике. В концепции коммуникативной рациональности Хабермаса люди, вступая в социальные отношения, должны согласовывать свои действия, понимая друг друга. Наиболее эффективным средством для этого является речь. Речевое действие, представляющее собой первичную социальную реальность, мощное средство воздействия на поведение другого с помощью просьб, приказов, других обращений. Из таких обращений и коммуникаций складывается сеть социальных отношений. Общество – совокупность коммуникативных действий. Чтобы реализовать его разумный потенциал, каждый участник коммуникации должен иметь возможность свободного участия в дискурсе.

Для ее обеспечения Хабермас разработал этику дискурса, общие правила дискуссии, обеспечивающие рациональные и морально верные решения в публичной сфере. Их рациональность достигается рациональной аргументацией: становится ясно, какие аргументы лучше. Их моральность обеспечивается соблюдением нравственных норм, которым следуют участники. Хабермас подчеркивает: ни у кого нет заведомо верных нравственных решений, нет и единой для всех морали. Он относит право морально правильного выбора к непосредственным участникам дискуссии по правилам этики дискурса – нового

типа этики, главного следствия из теории коммуникативного действия. Общество, элиты, общественные группы должны в процессе коммуникации решать проблемы общества с моральных позиций, с использованием разумных аргументов и под свою ответственность. Правила дискурса, по Хабермасу, состоят в следующем: 1) все заинтересованные должны иметь возможность высказаться; 2) дискуссия должна быть свободной и организованной справедливо; 3) высказывая свои аргументы, следует вникать в аргументы других; 4) следует руководствоваться принципом «непринудительного принуждения лучшей аргументацией» [Vogel, 2007: 88]; 5) наконец, выработанное решение должно устраивать всех. В этом и состоит моральность этики дискурса: моральные решения, принятые в свободном и ответственном обсуждении. И наоборот, аморально неприятие таких решений.

Таким образом, этика дискурса не имеет какого-либо определенного содержательно-го приложения к ней в виде светского, религиозного или иного морального кодекса. Она универсальна, может быть использована в межкультурных, межцивилизационных, межгосударственных и других контактах. Ю. Хабермас воссоздал связь критической теории с философией Просвещения, восстановив преемственность с ответом Канта на вопрос о том, что такое просвещение: это мужество пользоваться собственным умом! Осуществима ли такая этика? Теоретических доказательств ее неосуществимости пока нет, а практических примеров в ее пользу достаточно при том, что решения могут быть как удачными, так и требующими пересмотра. В отличие от этики дискурса К.-О. Апеля, Хабермас, во-первых, отказывается от поиска моральных абсолютов, характерного для философии. Во-вторых, вместо этого им подчеркивается конкретность моральных систем, их плюрализм. Итак: стратегическое действие в экономике ориентировано на успех, коммуникативный разум – на добровольный консенсус на основе дискурса. Для этого нужны внешние гарантии, прежде всего правовые.

Институционализации правил дискурса посвящено философско-правовое сочинение Хабермаса «Фактичность и значимость» (1992), в котором определены гарантии свободного политического дискурса, уточняются различия с этикой дискурса Апеля. Апель, разработав философскую этику коммуникативного дискурса раньше Хабермаса, ищет ее конечное обоснование, так называемое «последнее обоснование». Он обращается к метадискурсу, в котором, по его мнению, могут быть найдены трансцендентальные предпосылки дискурсов более низкого порядка. Дискурсивная этика Хабермаса не предусматривает такого философского фундамента. Она обоснована в исторически конкретном социокультурном жизненном мире, а не трансцендентальным образом. В нем нет бесспорных предпосылок взаимопонимания. Таким образом, «мы имеем дело с двумя стратегиями обоснования дискурсивной коммуникативной этики... В принятии посылки окончательного обоснования Апелем и ее неприятии Хабермасом лежит главная линия водораздела между формально-прагматической теорией Хабермаса и трансцендентально-прагматической теорией Апеля» [Лапаева, 2019]. Таким образом, теория коммуникативного действия и дискурса Хабермаса расходятся с философией субъекта, обеспечивают критической теории новое основание.

Мировоззренческая полемика с Луманом. Последнее обстоятельство позволяет вернуться к основам критической теории и рассмотреть их еще раз в контексте незавершенного спора между Хабермасом и Луманом о социальных системах. Как коллеги-социологи они некоторое время работали на кафедре Адорно во Франкфурте. Полемика началась в 1971 г. и стала острым бесконечным научным спором, влиявшим на развитие обеих теоретических позиций и долгие годы привлекавшим к себе внимание мыслящей Европы. Шесть сборников статей Лумана с названием «Социологическое просвещение» свидетельствуют, что речь идет об общем предмете – отношении к максимум философии Просвещения.

Полемика ознаменовалась выходом в свет их общей книги «Теория общества или социальная технология – что дает изучение систем?» (1971). Хабермас уже тогда был признанным теоретиком, а Луман начинал научную карьеру. Книга не имеет введения и заключения, а содержит лишь тексты авторов. Хабермас пытается «оспорить Никласа Лумана», а Луман высказывает «возражения Юргену Хабермасу» [Habermas, Luhmann, 1971]. Книга

раскрывает их принципиальные различия в понимании мировоззренческих вопросов, имеющих непосредственное отношение к фундаментальным проблемам теоретической социологии, как они представлены в обеих научных школах в социологии.

Луман на протяжении всего творчества включает в свои работы критические замечания в адрес Хабермаса, например, по поводу незавершенного проекта модерна [Луман, 2011: 82]. Хабермас нашел возможность подытожить свои возражения Луману в лекции «Нормативное содержание модерна» [Хабермас, 2008: 347–394]. Результатом полемики стало лишь укрепление непроходимых барьеров между этими школами, однако можно мысленно пройти вдоль них, не склоняясь к тому или иному направлению.

Сопоставление названных и других материалов позволяет отметить некоторые общие источники их социологий, например, философскую антропологию одного из восстановителей социологии в послевоенной Германии А. Гелена. Каждый из них стажировался в США, использует социологию Парсонса. Тем не менее они придерживаются разных картин мира (общества), по-разному понимают термин «система» и по-разному трактуют функции социальных систем. Согласно Хабермасу, система, то есть экономика и управление, колонизируют «жизненный мир»: межчеловеческие отношения, культуру, публичную жизнь. Систему следует вернуть на службу жизненному миру. У Лумана общество – «всеобъемлющая система всех коммуникаций, воспроизводящих себя аутопойэтически» [Луман, 1994: 34]. Наблюдается системная дифференциация общества на подсистемы на основе специальных генерализованных медиумов коммуникации различного типа (деньги, власть, любовь..., общим медиумом коммуникации является язык). Жизненный мир по его теории – это лишь один из ракурсов самопонимания системы – теоретическая точка зрения на общество, не более того. Термин «жизненный мир» Луман практически не употребляет.

Коммуникация также понимается по-разному. Для Хабермаса этот тип социального действия первичен и универсален, содержится в других типах действия. Она направлена на взаимопонимание и консенсус, так как обращение к другому уже содержит предпосылку консенсуса. Вербальная коммуникация использует иллюкутивные (связующие) силы языка и тем самым поддерживает социальные контакты.

По Луману коммуникация и действие – социальные процессы с разными функциями. Коммуникация – высокоселективный смысловой контакт между ее участниками. Отправитель сообщения должен все время выбирать, какую информацию отправить. Получатель должен все время решать, принять или не принять полученную информацию. Они постоянно меняются ролями. Действия (поведение) участников коммуникации – всегда лишь внешнее, наблюдаемое следствие избирательных решений сознания участников коммуникации. Гарантий успеха коммуникации, тем более консенсуса участников, нет. Успех коммуникации по Хабермасу – освобождение жизненного мира от угнетения системой, по Луману – образование коммуникативных социальных систем.

В столь разных определениях коммуникации содержится непосредственный биографический опыт обоих классиков теоретической социологии. При определении этого понятия Хабермас ссылается на позитивный опыт своего раннего детства, когда ему помогли включиться в мир общения. Для сравнения приведем фрагмент воспоминаний Лумана о юности, который непосредственно связан с его учением. В конце войны он надеялся, что скоро наладится новая жизнь. Но в американском фильтрационном лагере он был избит, лишился наручных часов и понял, что ожидания участников коммуникации изначально не гармонируют, что даже для нормального хода жизни нужны предпосылки [Archimedes, 1987: 129]. Этот опыт, по словам Лумана, вошел в его тезис о невероятности успеха коммуникации. В книге «Социальные системы» этот случай приводится в форме общетеоретического описания трудностей начала социальных контактов, используя метафору интеракции двух черных ящиков [Луман, 2007: 158–160]. Хабермас оспаривает данную лумановскую метафору [Хабермас, 2008: 387].

Здесь нет возможности вступать в детальный спор с классиками теоретической социологии. Можно лишь обозначить существенное расхождение их картин мира. Согласно

Хабермасу общественностью движет стремление к компромиссу через дискурсивный диалог. Согласно Луману действуют только социальные системы. Лишь они могут вступать в коммуникацию, опознавая другие коммуникации и вырабатывая решения в ответ на обращения. При этом они пользуются услугами человека как своим окружающим миром: прежде всего его сознанием при выработке решений и его материальным обслуживанием процессов коммуникации. Хабермас, критикуя это теоретическое положение Лумана, считает, что тезис о системе-деятеле возрождает тупиковую философию субъекта [Хабермас, 2008: 376].

Что такое социология, какова ее проблематика и познавательный интерес – еще один пункт сравнения теорий. Социология по Луману – наблюдающая наука, дающая многоуровневое описание сложного общества. Она представляет собой его небольшую, но важную часть. Социология не включает моральные оценки. По Хабермасу социология остается критической теорией общества, требующей устранения любого давления в социальных и политических отношениях, но не определяет особого ответственного за эту миссию субъекта. За нее «отвечает» свободный равноправный аргументированный дискурс, воплощающий рациональность, для обеспечения условий которого предстоит еще многое сделать. Поэтому модерн – «незавершенный проект». Луман предложил иную теорию рациональности: теорию системной рациональности [Луман, 2007: 506–507; 608–620]. Он же предложил «окончательное суждение о рациональности оставить открытым» [Луман, 2007: 608]. Прислушаемся к этому мудрому предложению.

Заключительные замечания. Теория свободного и аргументированного дискурса Хабермаса воспринята во многих научных дисциплинах. Она гармонирует с тезисом Ф. Фукуямы о том, что либеральная демократия не имеет внутреннего противоречия, так как обеспечивает свободу выражения интересов и мнений, но расходится с его выводом о конце истории. На первый взгляд может показаться, что в обществах стран Запада критическая теория в версии Хабермаса и его школы достигла своей цели и реализована в публичном рациональном дискурсе. Это впечатление усиливается тем, что в период работы А. Хоннета в должности директора Института социальных исследований во Франкфурте (2001–2018) в критической теории не было заметно изменений ее оснований. Работы Хоннета о борьбе за признание как дальнейшей эмансипации общества скорее продолжают идеи Гегеля о рабском и господском сознании, нежели развивают критическую теорию. Однако критическая теория не может признать свое завершение, не переставая быть критической. Следовательно, она собирает коммуникативную энергию для дальнейшего развития исходя из меняющихся общественных практик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Денежкин А.В. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства // *Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью*. М.: КАМІ; Academia, 1995. С. 181–206.
- Лапаева В.В. Политико-правовая концепция Ю. Хабермаса (с позиций либертарного правопонимания). URL: http://igpran.ru/public/publiconsite/Lapaeva.Polit_prav_konc_Xaubermasa.pdf (дата обращения: 11.04.2019).
- Лукач Д. История и классовое сознание: исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.
- Луман Н. Общество общества. Кн. 4, 5. М.: Логос, 2011.
- Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / Ред. А.О. Бороноев. Вып. 1. СПб.: СПбГУ, 1994. С. 25–42.
- Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. СПб.: Наука, 2007.
- Нитхаммер Л., Щербакова И. Интервью с интервьюером. Беседа с Л. Нитхаммером // *Нитхаммер Л. Вопросы к немецкой истории*. М.: Новое издательство, 2012. С. 493–531.
- Пленков О.Ю. Истоки современности: динамика и логика развития Запада в новейшее время. СПб.: Восход, 2014.

- Скворцова Т.Г. К определению понятия дискурса // Современная логика: проблемы теории и истории. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 372–373.
- Сорокин П.А. Социология и этика // Наследие. 2017. № 2(11). С. 146–157.
- Уэст Д. Континентальная философия: Введение. М.: Дело; РАНХиГС, 2015.
- Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Хабермас Ю. Политические работы. М.: Праксис, 2005. С. 7–31.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000.
- Хабермас Ю. Нормативное содержание модерна // Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2008. С. 347–394.
- Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011.
- Хабермас Ю. Познание и интерес // Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 167–191.
- Хабермас Ю. Публичное пространство и политическая публичность. Биографические корни двух мыслительных мотивов // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М.: Весь мир, 2011. С. 15–25.
- Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества: с предисловием к переизданию 1990 г. М.: Весь мир, 2016.
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век, 1914–1991. М.: Независимая газета, 2004.
- Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения: философские фрагменты. М.; СПб.: Медиум; Ювента, 1997.
- Archimedes und wir: Interviews (Internationaler Merve Diskurs) / D. Baecker, G. Stanitzek (eds). Berlin: Merve, 1987. S. 125–155.
- Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995.
- Habermas J., Luhmann N. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung? Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1971.
- Horkheimer M. Traditionelle und kritische Theorie // Zeitschrift für Sozialforschung. 1937. Jg. 6. Reprint 1980. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, 1980. S. 274–275.
- Müller-Doohm S. Jürgen Habermas. Eine Biographie. Berlin: Suhrkamp, 2014.
- Vogel H.-J. Der zwanglose Zwang des besseren Arguments. Laudatio auf Jürgen Habermas // Frankfurter Hefte. 2007. № 1–2. S. 88–90.

Статья поступила: 16.04.19. Принята к публикации: 24.04.19.

JÜRGEN HABERMAS ON THE POWERS OF SOCIAL COMMUNICATION: THE 90th ANNIVERSARY OF THE GERMAN SOCIOLOGIST

GOLOVIN N.A.

St. Petersburg State University, Russia

Nikolay A. GOLOVIN, Dr. Sci. (Sociol.), Prof., Department of theory and history of sociology, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia (n.golovin@spbu.ru).

Acknowledgements. The article is prepared with the support of The Centre for German and European Studies, St. Petersburg State University – Bielefeld University, Grant No. 1/15/2019.

Abstract. The article examines the influence of life course and historical time on the work of the German philosopher and sociologist Jürgen Habermas. Their connection to philosophical bases of his theory of communicative action and ethics of discourse is traced. The differences in solving the problem of the subject of history in the critical theory of Habermas, society and in the original version of this theory by M. Horkheimer and T.W. Adorno are reviewed. The socio-historical grounds and consequences for the development of discourse ethics are analyzed. Discussed are also differences in the discourse ethics of J. Habermas and K.-O. Apel, Habermas controversy with the theorist of social systems N. Luhmann on philosophical problems of the theory of society.

Keywords: J. Habermas, N. Luhmann, critical theory of society, ethics of discourse, theory of social systems, history of social thought.

REFERENCES

- Archimedes und wir: Interviews (Internationaler Merve Diskurs)*. (1987) D. Baecker, G. Stanitzek (eds). Berlin: Merve: 125–155.
- Denezhkin A.V. (1995) J. Habermas' «Facticity and Significance»: New Studies in Law Theory and Democratic State-of-law. In: Habermas J. *Democracy. Reason. Morality*. Moscow Lectures and Interviews. Moscow: KAMI; Academia: 181–206. (In Russ.)
- Habermas J. (1995) *Theorie des kommunikativen Handelns. Bd. 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In Germ.)
- Habermas J. (2000) *Moral Consciousness and Communicative Action*. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
- Habermas J. (2005) Modern – Project in Progress. In: Habermas J. *Political Works*. Moscow: Praxis: 7–31. (In Russ.)
- Habermas J. (2007) Cognition and Interest. In: Habermas J. *Technique and Science as «Ideology»*. Moscow: Praxis: 167–191. (In Russ.)
- Habermas J. (2008) Normative Content of Modernity. In: Habermas J. *Philosophical Discourse on Modernity*. Moscow: Ves' mir: 347–394. (In Russ.)
- Habermas J. (2011a) Public Space and Political Publicity. Biographical Roots of Two Mental Motives. In: Habermas J. *Between Naturalism and Religion. Philosophical Articles*. Moscow: Ves' Mir: 15–25. (In Russ.)
- Habermas J. (2011b) *From Pictures of the World to the Vital World*. Moscow: Idea-Press. (In Russ.)
- Habermas J. (2016) *Structural Change in the Public Sphere: Research on the Category of Bourgeois Society: with a Preface to the Reprint of 1990*. Moscow: Ves' mir. (In Russ.)
- Habermas J., Luhmann N. (1971) *Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie – Was leistet die Systemforschung?* Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In Germ.)
- Hobsbawm E. (2004) *The Epoch of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991*. Moscow: Nezavisimaya gazeta. (In Russ.)
- Horkheimer M. (1980) *Traditionelle und kritische Theorie*. In: *Zeitschrift für Sozialforschung*. 1937. Jg. 6. Reprint 1980. München: Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG: 274–275. (In Germ.)
- Horkheimer M., Adorno T. (1997) *The Dialectic of the Enlightenment: Philosophical Fragments*. Moscow; St. Petersburg: Medium; Yuventa. (In Russ.)
- Lapaeva V.V. *The Political and Legal Concept of J. Habermas (from the Standpoint of Libertarian Legal Thinking)*. URL: http://igpran.ru/public/publiconsite/Lapaeva.Polit_prav_konc_Xabermasa.pdf (accessed 11.04.2019). (In Russ.)
- Lucasz G. (2003) *History and Class Consciousness: Studies on the Marxist Dialectic*. Moscow: Logos-Altera. (In Russ.)
- Luhmann N. (1994) The Concept of Society. In: *Problems of Theoretical Sociology*. Ed. by A.O. Boronoev. Iss. 1. St. Petersburg: SPbGU: 25–42. (In Russ.)
- Luhmann N. (2011) *Society of Society*. Books 4, 5. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Luhmann N. (2007) *Social Systems. Sketch of a General Theory*. St. Petersburg: Nauka, 2007. (In Russ.)
- Müller-Doohm S. (2014) *Jürgen Habermas. Eine Biographie*. Berlin: Suhrkamp. 2014. (In Germ.)
- Niethammer L., Shcherbakova I. (2012) Interview with the Interviewer. Conversation with L. Niethammer. In: Niethammer L. *Questions for German History*. Moscow: Novoye izdatel'stvo: 493–531. (In Russ.)
- Plenkov O.Yu. (2014) *The Origins of Modernity: the Dynamics And Logic of the Development of the West in Modern Times*. St. Petersburg: Voskhod. (In Russ.)
- Skvortsova T.G. (2010) On the Definition of the Concept of Discourse. In: *Modern Logic: Problems of Theory and History*. St. Petersburg: SPbGU: 372–373. (In Russ.)
- Sorokin P.A. (2017) Sociology and Ethics. *Naslediye* [Heritage]. No. 2(11): 146–157. (In Russ.)
- Vogel H.-J. (2007) Der zwanglose Zwang des besseren Arguments. *Laudatio auf Jürgen Habermas. Frankfurter Hefte*. No. 1–2: 88–90.
- West D. (2015) *Continental Philosophy: an Introduction*. Moscow: Delo; RANEPa. (In Russ.)

Received: 16.04.19. Accepted: 24.04.19.